

УДК 821.161.1-
31

А.П. Елисеенко

**ЭЛЮАРОВСКИЙ «СЛОЙ» В РОМАНЕ
Б. ПОПЛАВСКОГО «АПОЛЛОН БЕЗОБРАЗОВ»**

Б. Поплавский – представитель первой волны русской эмиграции в Париже. В последние десятилетия его творческое наследие становится объектом многочисленных исследований. Изучением произведений писателя занимались такие литературоведы, как Э. Менегальдо, А. Богословский, Л. Аллен, А. Олкотт, А. Гибсон, В. Крейд, И. Савельев и др.

Б. Поплавский при жизни прославился, прежде всего, как поэт, однако многие современники сходились во мнении, что в прозе его писательский талант раскрылся значительно ярче. В 1932 году он закончил работу над первым романом «Аполлон Безобразов», который был опубликован только фрагментарно до 1993 года, когда впервые вышел сборник прозы писателя, подготовленный Луи Алленом. Четырнадцать из шестнадцати глав романа открываются эпиграфами из произведений французских писателей, древнегреческих мыслителей и т.д.

Нашей целью является изучение эпиграфа из первой главы романа Б. Поплавского «Аполлон Безобразов», который принадлежит французскому поэту П. Элюару; определение интертекстуальных связей между фрагментом из стихотворения поэта и романом Б. Поплавского; рассмотрение дадаизма в начале 20-х годов во Франции, а также влияние эстетики Дада на мировоззрение эмигрантского писателя, что отразилось в поэтике романа «Аполлон Безобразов».

Первая глава романа Б. Поплавского была впервые опубликована в 1930 году под заглавием «Глава 1, предшествующая искушению». Во второй редакции, изданной А. Богословским в «Новом Журнале» в 1992 году и в Собрании сочинений в 2000 году совместно с Э. Менегальдо, эта глава появилась только с эпиграфом на французском языке, который представляет собой фрагмент стихотворения П. Элюара:

«Oiseau enferme dans son vol, il n'a jamais connu la terra, il n'a jamais eu d'ombre». Точно установить источник цитаты не удалось, возможно, это реминисценция на одно из стихотворений французского поэта.

Исходя из классификации Н.А. Кузьминой, мы считаем, что этот эпиграф выполняет диалогизирующую и информационную функции, так как автор, обращаясь в качестве эпиграфа к фрагменту из произведения французского поэта, с одной стороны, создает «диалог культур», с другой, вводит тему, что является актуальной для последующего текста.

В издании, подготовленном Л. Аленом, сохранено и заглавие из первой редакции, и эпиграф из второй редакции романа. В обеих публикациях представлен его перевод на русский язык. Л. Аллен дает следующий перевод: «Замкнутой в своем полете птицей, он никогда не познал земли, у него не было и собственной тени» [2, с. 20]. Перевод А. Богословского и Э. Менегальдо в значительной мере различен: «Как замкнутая в своем полете птица, он никогда не касался земли, не бросал на нее свою тень» [4, с. 7].

Мы полагаем, что обращение Б. Поплавского к творчеству французского поэта П. Элюара требует пояснений. По нашему мнению, они могли познакомиться в начале 20-х годов на одном из вечеров творческого объединения «Через», созданного И. Зданевичем в 1923 году. Участниками этого объединения были эмигрантские поэты и художники: Б. Поплавский, А. Гингер, С. Шаршун, М. Струве и многие другие. И. Зданевич в те годы был приверженцем дадаизма. Б. Поплавский неоднократно отмечал публично и в своих дневниках, что он у него учился. По нашему мнению, именно благодаря своему «учителю» и, будучи одним из участников группы «Через», Б. Поплавский мог также приобщиться к дадаизму.

Л.В. Сыроватко указывает на то, что внешний вид Б. Поплавского и его неординарные поступки (пощечина поэтессе Татиде, тяга к дракам) также связаны с увлеченностью дадаизмом. По мнению исследователя, Б. Поплавский, также как и А. Бретон, носил черные очки для создания искаженного взгляда и некой скрытности, по словам современников, не имея никаких проблем со зрением [5, с. 53].

Как известно, возникновение дадаизма, который со временем слился с сюрреализмом, связано с реакцией на последствия Первой мировой войны, жестокость которой, по словам его сторонников, показала бессмысленность существования человека. Дадаисты стремились к разрушению рационализма и логики. Они признавали только иррациональность, отрицание установившихся канонов, цинизм и разочарованность. Основателем дадаизма был Т. Тцара, который считал дадаизм не столько художественным течением, сколько особым «состоянием духа» [7, с. 4]. С. Шаргородский, подготовивший к публикации перевод его пьес на русский язык, писал, что «дадаизм стал яростным протестом против буржуазной жизни, отжившего искусства и устройства мира. <...> Абсурд, гротеск, провокация и вызов, поэзия шумов и заумы, лирические излияния» [7, с. 4] были характерны для приверженцев дадаизма.

29 апреля 1922 года русские поэты и художники группы «Через» организовали вечер, посвященный поэту Б. Божневу, на котором присутствовали французские поэты П. Элюар, С. Арно, П. Дерме, В. Гюйодоро, П. Супо, Т. Тцара и другие. Среди русских поэтов принимали участие А. Гингер, Б. Поплавской, М. Струве, В. Познер, Г. Евангулов. Л.В. Сыроватко в статье «"Русский сюрреализм" Б. Поплавского» (2007) отмечает, что основной проблемой в проведении мероприятия был языковой барьер: «Если русские, кто лучше, кто хуже (Поплавский, несомненно, вполне адекватно) могли понять не только общий смысл, но и тонкости языковой игры французского оригинала, то о французских поэтах этого сказать нельзя: человеку, не владеющему языком, "заумью" покажется любая, самая обычная фраза» [5, с. 52].

Л. Ливак в книге «Героические времена молодой зарубежной поэзии. Литературный авангард русского Парижа (1920–1926)» писал о том, какое значение имело объединение «Через» в эмиграции. По мнению исследователя, несмотря на «географические, культурные и языковые барьеры группа должна была донести до французского достижения русского авангарда в Париже и Москве» [6, с. 60]. Они вместе с Союзом русских художников организовали несколько

благотворительных балов, таких как «Заумный бал-маскарад», «Бальный бал», «Бал большой Медведицы», «Бал Жюля Верна» и др.

Однако роковым для существования группы стал вечер под названием «Бородатое сердце», который состоялся 6 июля 1923 года в «Мишель». В программе вечера планировались чтения манифестов, стихотворений, трансляция фильмов, постановка пьесы Т. Тцара «Газовое сердце». По свидетельству С. Шаргородского, помещение для мероприятия было снято благодаря усилиям И. Зданевича, так как управляющие залов единодушно отказывали Т. Тцара [7, с. 95]. Такое отношение к лидеру Дада в Париже является примером того, как был воспринят дадаизм публикой. Т. Тцара в «Воспоминаниях о дадаизме» (1922) писал об одном из их выступлений: «Впервые в мировой практике зрители швыряли в нас не только яйца, капустные кочаны и монетки, но также бифштексы. Успех был невероятный. Публика собралась чрезвычайно дадаистская. Как нам уже доводилось говорить, истинные дадаисты – против Дада [7, с. 80]. Таким образом, чем больше публика порицала приверженцев дадаизма, тем больше они были уверены, что находятся на правильном пути. С. Шаргородский отмечал, что скандальный вечер «Бородатого сердца» стал «лебединой песней Дада. Последний гвоздь в гроб движения вбил Бретон с публикацией “Манифеста сюрреализма”» [7, с. 97], в котором провозглашалась необходимость воплощения в произведениях писателей и живописцев подсознательного, сновидений и т.д. Несмотря на то, что в столице Франции это движение фактически прекратило существовать, оно продолжало распространяться в Германии, Америке, Швейцарии и других странах. Как отмечал М. Сануйе в книге «Дада в Париже», «дадаистический шлейф тянется еще и сегодня» [6, с. 97].

Известно, что начало 20-х годов – это ранний период творчества Б. Поплавского. Со временем он отходит от столь радикального мировоззрения дадаизма и находится под влиянием других течений (символизма, например), о чем свидетельствуют многочисленные изменения содержания романа. Писатель хочет быть понятным аудиторией и, в конце концов, опубликованным. Для

этого он заменяет некоторые резкие выражения в первой редакции романа на более нейтральные во второй. Так, например, первый финал романа заканчивается словом «merde», которое в переводе с французского означает «проклятье», «дерьмо». Главный герой Аполлон Безобразов и повествователь говорят о Лазаре и Христе: «Знаете ли вы, что Лазарь сказал, когда Христос его воскресил? – Нет, а что вы думаете? – Он сказал “merde” – Почему? – спрашиваю я в изумлении. – Да видите ли, представьте себе, что вы порядком намучились, устали <...>, как вдруг грубая рука трясет вас за плечо и голос кричит “вставай”. И вам, слипшимися глазами смотрящемуся на отвратительный свет, что другое придет вам в голову сказать безжалостному мучителю, как не это “merde”?» [1, 1991]. Такая резкость выражения характерна для сторонников дадаизма. Двадцать восьмая глава (первой редакции), фрагмент которой мы цитируем, стал поводом для гневного отзыва Д.С. Мережковского по поводу «соседства» глав из его новой книги «Неизвестное евангелие», опубликованной в пятом номере «Чисел» рядом с «кошунствами» Б. Поплавского. Впоследствии слово «merde» было заменено автором романа на «нехорошее что-нибудь сказал» [3, с. 469].

Л. Ливак в книге «How it was done in Paris: Russian Emigre Literature and French Modernism» («Как это делалось в Париже: русская эмигрантская литература и французский модернизм») писал, что эпиграф из произведения П. Элюара олицетворяет экзистенциальную ситуацию повествователя Васеньки, который жил как птица, «пойманная в ловушку в полете» [8, с. 177].

В качестве своеобразной «ловушки» можно рассматривать встречу Васеньки, а потом и других эмигрантов, с Аполлоном Безобразовым. Повествователь говорит, что искал «чьего-то присутствия», которое освободило бы его «от стыда, от надежды и от страха, и душа нашла его» [4, с. 12]. По словам Васеньки, после встречи с Аполлоном Безобразовым, «начался некий злоедейский нищий рай, приведший <...> к безумному страху потерять то подземное черное солнце, которое, как бесплодный Сэт, освещало его»

[4, с. 12]. В этом фрагменте Б. Поплавский обращается к древнегреческой мифологии. Сет почитался богом ярости, песчаных бурь, войны. В романе упоминается «бесплодный Сэт», что, в свою очередь, может свидетельствовать о его неспособности соответствовать древнегреческому богу: «он не был жесток. Малеишие травы могли расти в его присутствии и птицы сидеть на его руках» [4, с. 13]. Сет также считался покровителем чужеземцев, что в свою очередь, сближает древнегреческого бога Сета и Аполлона Безобразова, который являлся «покровителем» в кругу друзей-эмигрантов. Повествователь отмечает также, что все каменело в присутствии Аполлона, «как будто он был Медузой» [4, с. 12]. Здесь также прослеживается обращение автора к древнегреческой мифологии. Напомним, что Медуза – одна из трех сестер Горгон. Она была чудовищем с женским лицом и змеиными волосами. Ее взгляд превращал людей в камни. Васенька называет Аполлона Безобразова «каменным человеком» [4, с. 172], так как он создал особую мистическую атмосферу неподвижности и оцепенения. В его присутствии, по мнению повествователя, все заболевает «странной рассеянностью» и «смертным равнодушием» [4, с. 172].

Таким образом, Б. Поплавский и П. Элюар могли быть лично знакомы и сотрудничать в группе «Через». Они оба в начале 20-х годов были сторонниками дадаизма. Для раннего творчества Б. Поплавского характерным является желание шокировать публику, тем самым сближая собственное творчество с произведениями дадаистов. Со временем Б. Поплавский отходит от столь радикальной манеры письма и становится сторонником других литературных течений. Однако возникает вопрос, почему автор романа обращается к фрагменту из произведения П. Элюара именно во второй редакции в начале 30-х годов? Вероятно, непонимание со стороны публики, отчаяние, которое одолевало писателя в этот период, совпало с состоянием упадка, ощущением кризиса, которое было характерно для сторонников дадаизма в 20-е годы. Одним из подтверждений состояния депрессии у Б. Поплавского и его искреннего желания быть признанным может служить завещание писателя, написанное в 1932 году с просьбой «попытаться что-нибудь сделать с “Аполлоном Безобразовым”» [3, с. 67].

Литература

1. Поплавский Б. Аполлон Безобразов / Б. Поплавский // Юность. – 1991. – № 2. – С. 38-56.
2. Поплавский Б. Домой с небес : Романы / Б. Поплавский [сост., вступ. ст., примеч. Л. Аллена] – СПб. : Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 352 с.
3. Поплавский Б. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Б. Поплавский [сост. и коммент. А. Богословского, Э. Менегальдо] – М. : Христианское издательство, 1996. – 512 с.
4. Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3 тт. / Б. Поплавский [подготовка текста, коммент. А. Богословского, Э. Менегальдо] – Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. – М. : Согласие, 2000. – 464 с.
5. Сыроватко Л.В. «Русский сюрреализм» Бориса Поплавского / Л.В. Сыроватко // Гуманитарный слой: О стихах и стихотворцах. Калининград: НЭТ. – 2007. – С. 51-66.
6. Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе / Д. Токарев [под ред. Е. Маркасова] – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 352 с.
7. Тцара Т. Газовое сердце: Три ДАДА драмы / Т. Тцара [перевод, коммент. С. Шаргородского]. – Б. м. : Salamandra P. V. V., 28. Livak L. How it was done in Paris: Russian Emigre Literature and French Modernism. – Madison : University of Wisconsin press, 2003.

Анотація

А.П. Єлісєєнко. Елюаровський «слой» у романі Б. Поплавського «Аполлон Безобразов».

Стаття присвячена розгляду епіграфа з першого розділу роману Б. Поплавського «Аполлон Безобразов». Вивчається вплив «чужого слова», а саме твору П. Елюара, на роман Б. Поплавського «Аполлон Безобразов». Розглядаються особливості естетики дадаїзму на початку 20-х років ХХ століття у Франції, які були відображені в творах Т. Тцара, а також у творчій діяльності І. Зданевича, керівника групи «Через». Особливу увагу приділено заходам групи, в яких брали участь Б. Поплавський і П. Елюар – вечір присвячений поету Б. Божневу і зустріч дадаїстів під назвою «Бородате серце». Аналізується вплив дадаїзму на світогляд Б. Поплавського, а саме на першу редакцію роману, видану в журналі «Числа». Визначаються функції епіграфа, взятого з вірша П. Елюара в романі виходячи з

класифікації Н.А. Кузьміної. Розглядається участь Б. Поплавського в групі «Через». Робляться спроби визначити інтертекстуальні зв'язки в творах письменників у романі «Аполлон Безобразов», а також причини звернення Б. Поплавського до творчості П. Елюара.

Ключові слова: дадаїзм, еміграція, епіграф, світогляд, інтертекстуальність.

Аннотация

А.П. Елисеенко. Элюаровский «слой» в романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов».

Статья посвящена рассмотрению эпиграфа из первой главы романа Б. Поплавского «Аполлон Безобразов». Изучается влияние «чужого слова», а именно произведения П. Элюара, на роман Б. Поплавского «Аполлон Безобразов». Рассматриваются особенности эстетики дадаизма в начале 20-х годов XX века во Франции, которые были отражены в произведениях Т. Тцара, а также в творческой деятельности И. Зданевича, руководителя группы «Через». Особое внимание уделено мероприятиям группы, в которых принимали участие Б. Поплавский и П. Элюар – вечер, посвященный поэту Б. Божневу и встреча дадаистов под названием «Бородатое сердце». Анализируется влияние дадаизма на мировоззрение Б. Поплавского, а именно на первую редакцию романа, изданную в журнале «Числа». Определяются функции эпиграфа из стихотворения П. Элюара в романе исходя из классификации Н.А. Кузьминой. Рассматривается участие Б. Поплавского в группе «Через». Предпринимаются попытки определить интертекстуальные связи в произведениях писателей в романе «Аполлон Безобразов», а также причины обращения Б. Поплавского к творчеству П. Элюара.

Ключевые слова: дадаизм, эмиграция, эпиграф, мировоззрение, интертекстуальность.

Summary

A.P. Eliseenko. The impact of Eluard's work on the novel by B. Poplavsky "Apollon Bezobrazov".

The article is devoted to epigraph consideration from chapter 1 of the novel by B. Poplavsky "Apollon Bezobrazov". The influence of the poem by P. Eluard on the novel by B. Poplavsky "Apollon Bezobrazov" is studied. The features of the aesthetics of Dada in the early 20-s of XX century in France which were reflected in the works of T. Tzara, as well as in the works of I. Zdanevich, the

head of the group "Cherez", are considered. Particular attention is paid to the events of the group in which participated B. Poplavsky and P. Eluard – an evening dedicated to the poet B. Bozhnev and to the meeting of Dadaists called "Borodatoe serdtse". The impact of Dada on B. Poplavsky's view, namely on the first edition of the novel, published in the journal "Chisla" is analyzed. The function of epigraph from the poem written by P. Eluard based on the classification by N.A. Kuzmina was defined. The participation of B. Poplavsky in group "Cherez" was considered. The attempts to determine intertextual relations in the works of both writers and also the reasons of applying to the works by P. Eluard are made.

Key words: Dada, emigration, epigraph, view, intertextual relations.